

Касымова Д.Б.,
Кундакбаева Ж.Б.

**Трансформация
мировоззрения советских
женщин в первой половине
XX века в западной
историографии**

Отношения между мужчиной и женщиной за длительную историю человеческого общества постоянно претерпевают изменения. Роль мужчины не сильно изменилась за многие столетия, а роль женщины изменилась кардинально. Конечно же, надо учитывать менталитет общества – образ мыслей, совокупность умственных навыков и духовных установок, присущих отдельному человеку или общественной группе. Для нас представляет интерес процесс ментальной трансформации советской женщины. Истоки этого западные исследователи определяют первой половиной XX века, когда, по их мнению, складывалась «тоталитарная система» советского общества. В данной статье перед нами ставится задача понять, в результате влияния каких факторов женщины стали менять сложившуюся веками мировоззренческую природу. Почему появились приоритеты быть наравне с мужчиной. Распространялось ли это только на семейные отношения или это касалось карьеры и финансовой независимости. Как молодое поколение женщин вливалось в активную политическую жизнь.

Ключевые слова: ревизионизм, советская гендерная политика, сталинизм, советская модернизация, тоталитаризм, феминизм.

Kassymova D.B.,
Kundakbayeva Zh.B.

**Transformation of soviet women
outlook in the first quarter
of XX century in western
historiography**

Relations between man and woman for the whole history of humankind have been in the process of everlasting changes. The role of man did not change much over times, while the females' role radically altered over the last centuries. The society mentality should be taken into account – way of thinking, set of intellectual skills and matrixes, typical for any individual or social group. For us the most exciting is the mental transformation process of a soviet woman. Western researchers see the origin for that to come out define as first half of the XX century when, in their opinion, was formed «totalitarian system» of the soviet society. The article is aimed to understand which factors resulted in women's changes of their centuries formed mental nature. How did the priorities to be equal to man grow? Whether they covered only family sphere or spread to career and financial independence? How did the young generation of women get into active political life?

Key words: soviet gender policy, Stalinism, totalitarianism, revisionism, soviet modernization, feminism.

Қасымова Д.Б.,
Құндақбаева Ж.Б.

**XX ғасырдың бірінші
жартысындағы батыс
тарихнамасындағы кеңестік
әйел дүниетанымының өзгерісі**

Қоғамдағы әйел және ер адамның қатынасы ғасырлар бойы өзгеріске ұшырап, түрленіп отырды. Бастапқы тарихи кезеңмен салыстырғанда ер адам және әйелдің қызметі өзгеріске ұшырауын байқап отырмыз. Оның басты себебі қоғамдағы ойлау ортасы мен рухани құндылықтардың және жеке адамға қатысты көзқарастардан байқауға болады. Біз үшін әйелдің ментальді өзгеріске ұшырау үдерісі маңызды. XX ғасырдың басындағы «тоталитарлық жүйенің» қалыптасуы батыстық зерттеушілердің осы өзгерістерден бастау алатынын көрсетеді. Мақалада әйелдің дүниетанымының қандай себептерден өзгергендігіне қатысты зерттеулердегі мәселелер талқыланады. Ғасырлар бойы қалыптасқан ер адамның қоғамдағы орнына әйелдің көтерілуіне қатысты алғышарттардың туындауы талданды. Бұл қаржылық немесе отбасылық қатынасқа таралуымен қатар жүруіне ерекше көңіл бөлінді. Саяси өмірге жаңа әйел бейнесінің енуіне байланысты зерттеулердегі көзқарастардың туындауын көрсетеді.

Түйін сөздер: ревизионизм, кеңестік гендерлік саясат, сталинизм, кеңестік модернизация, тоталитаризм, феминизм.

¹Казахстанский институт менеджмента, экономики и прогнозирования,
Республика Казахстан, г. Алматы

²Казахский национальный университет им. аль-Фараби,
Республика Казахстан, г. Алматы

*E-mail: didar@kimep.kz

ТРАНСФОРМАЦИЯ МИРОВОЗЗРЕНИЯ СОВЕТСКИХ ЖЕНЩИН В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА В ЗАПАДНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Как известно, период формирования «советской тоталитарной системы» исследователи относят к периоду сталинизма. Историки школы ревизионистов выделяют ориентиры для понимания сути процессов, происходивших в Советском Союзе, среди которых можно выделить работы Шейлы Фитцпатрик. Исследователь целенаправленно проводит научно-методологическую линию по реставрации истории сталинизма через личные переживания [1]. Ш. Фитцпатрик разработала новую методологию интерпретации социальной реальности советского периода 1920-1930-х годов, которая дает основание заключить, что сталинизм был не только политико-административной системой, эволюционировавшей из диктатуры пролетариата, соединенной с личностью И. Сталина, но и формой адаптации большей части населения Страны Советов к системе, принятием самой системы и поддержке, которую они ей оказывали. По мнению ревизионистов, советский режим получал поддержку от большей части населения, которое получило возможности социальной мобильности в новых условиях. Социальные группы выигрывали от сталинской политики, т.к. получали широкие привилегии (повышение материального уровня, общественный престиж: стахановцы, закрытые распределители для номенклатуры, МТСы для колхозной красной элиты, и пр.). Мобилизирующую роль в этом играли идеология, пропаганда, образование и культура. Люди выступали не в качестве «винтиков» советской сталинской машины, но, по утверждению ревизионистов, считали себя основным инструментом проведения политики партии, правительства и лично товарища И.В. Сталина. В тоталитарной модели сталинизма народ играл скорее пассивную роль и инициативы «сверху» носили принудительно-репрессивный характер. Работы Ш. Фитцпатрик раскрывают особенности конструирования нового советского общества «снизу». Она показывает, как широкие народные массы и их представители принимали участие в продвижении социалистических реформ, получая от этого определенные выгоды. Именно таким образом была создана аффирмативная советская империя [2]. Стремление выжить у советских людей выработало классовую идентификацию «снизу»: люди старались придумать для себя новые (политически корректные) биографии,

особенно если они уезжали в другие населенные пункты, где их, как они надеялись, никто о них не знает. В своем новом прошлом они происходили из «правильных семей» (не из баев или биев) и т.д. [3].

Использование дискурсивных практик в интерпретации источников личного характера позволило некоторым американским исследователям не только расширить документальную базу (дневники, письма), но и заглянуть в души женщин-современниц 1920-1930-х годов, вчитаться в их мысли и чувства, приоткрыть завесу прикрытых маской приличия тайн и трагедий [4]. Люди подчиняли свои эмоции на интеллектуальном и подсознательном уровнях (поскольку опасались за свои жизни и не хотели подвергать опасности своих близких) внешним канонам и каналам производства идеологически корректных эмоций или эмоций на заданную тему.

Так называемая советская субъективистская школа появилась как развитие ревизионистского направления. Её сторонники считают, что сталинизм воспринимался миллионами советских людей в позитивном плане и подпитывался их энтузиазмом, т.к. отвечал их внутренним потребностям и представлениям о том, как нужно строить социализм и «светлое будущее». При этом сталинская идеология и официальная пропаганда использовали формулы, которые и вызывали эти внутренние мотивы вовне. Люди подавляли свои сомнения в том, правильно ли поступают партия и вожди не только из-за страха, сколько из-за убеждения, что так надо [5]. Жизнеспособность сталинского режима заключалась как в слепом подчинении населения, так и в изощренной технике манипулирования массовым сознанием через совпадение дискурсов – официального и массового публичного – люди читали в текстах и между строк именно то, что отвечало их социальному бытию. Историки Jochen Hellbeck и Igal Halfin считают, что к середине 1930-х годов официальная пропаганда и система контроля над сознанием людей (через морально-психологическое воздействие – страх, слепая вера, фанатизм или апатия) жестко контролировали мышление советских людей, поэтому они не могли себе представить, что можно думать иначе. Что было с теми, кто наедине с собой (и как потом выяснилось, с офицерами НКВД, которые читали дневники арестованных) рассуждал о внешнем окружении, сейчас известно всему миру после публикации дневника девочки подростка нины Луговской. В 1937 году она была осуждена на 5 лет ГУЛАГа [6].

Муки личностного становления как личности, девушки и гражданского отношения к событиям в стране стали основой обвинения в антисталинизме. Ш. Фитцпатрик считает, что практика ведения личных дневников была частью программы создания нового советского человека как инструмента самодисциплины, но использовалась властями для контроля и наказания. «Сталинские дети» с момента включения в систему социализации под чутким государственным контролем становились маленькими взрослыми и должны были следовать линии становления «правильных девушек». Сложности переходного периода интерпретировались с точки зрения логики взрослого человека и наказание было соответствующим [7].

Интерес представляют и работы общего плана, раскрывающие особенности повседневной жизни советских людей. Для Венди Голдман характерны исследования «коллизий между советским законом и жизнью» в ходе проведения гендерной политики. В своих работах она проводит анализ модернизационных траекторий советских реформ через феминизацию промышленности, вызванную, с одной стороны, нехваткой рабочих рук, а с другой – стремлением государства сэкономить на низкой оплате труда женщинам [8]. Это привело к гендерному конфликту в экономике, но при этом государство, несмотря на внешние проявления заботы о женщинах, играло роль проводника мужской линии. Следствием этого явилось, по мнению В. Голдман, «драконовское» советское законодательство регулирования труда и социальной сферы, касающееся женщин [9]. Проследившая эволюцию политики советского государства в отношении женщин за первые два десятилетия, исследователь указывает, что на женщину были возложены двойные обязанности – семейные и социально-экономические [10]. В. Голдман приходит к выводу, что советская версия эмансипации женщин шла не по феминистским рецептам, а маскулинным, что, как ни парадоксально, способствовало наделению женщин не только комплексом гражданских прав, но и правом считаться подлинными строителями социализма [11]. Программы индустриализации и коллективизации нуждались в высвобождении рабочих рук и дешевой рабочей силе, и именно женщины, которых привлекали в различные отрасли экономики и должности – от металлургии до управления производством, стали той базой, на которой и строился социализм – дешево, надежно, решение нескольких задач одновременно – они и работники, лояльные

граждане, поддерживают линию партии и правительства, и воспроизводят новое поколение советских людей всемьях. В. Голдман рассматривает эволюцию концепта «семья» в большевистской риторике и идеологической практике в качестве одного из необходимых условий свержения власти капитала до усложненного понимания роли семьи в общественном развитии, и особенно выделяется роль женщины в процессе воспроизводства человеческого капитала.

Другой исследователь, А. Горсуч раскрывает сложности вовлечения молодых девушек в активную политическую жизнь в 1920-е годы ввиду особенностей их положения в семьях, где они выполняли всю домашнюю работу [12]. На основе анализа документов из архивов комсомольских организаций 1920-х годов А. Горсуч восстанавливает картину сложного и противоречивого процесса продвижения концепта женского равноправия в советских организациях для молодежи – комсомол. Консервативное отношение молодых мужчин-комсомольцев к женщинам как второсортным существам, чья участь – удовлетворять потребности мужчин и заниматься домашним хозяйством, было доминирующим в обществе, что затрудняло продвижение женщин в социальной жизни и не давало возможности реализовать их личностный потенциал. Такой же точки зрения придерживается Д. Браун – не могла быть успешной политика советского государства по эмансипации женщин, когда вся домашняя нагрузка была на их плечах, и кроме того, они выполняли и репродуктивную функцию [13].

Исследования истории практической реализации женского равноправия на примере комсомольских организаций в России проливают свет на многие закрытые страницы подавления инициативы молодых женщин через, с одной стороны, маскулинизацию внутренней культуры работы самой организации (которая требует больших затрат времени и энергии) и, с другой стороны, гендерную дискриминацию через непризнание женских интеллектуальных и организационных способностей [14]. Молодым девушкам приходилось не только бороться с мужской дискриминацией, но и преодолевать негативное отношение широкой публики к открытию женщины – выходу в публичное пространство, отвечать на вызовы её внешней доступности, доказывать право на признание своего культурного и интеллектуального потенциала равным с мужским [15]. Постепенно вырисовывался идеальный образ комсомолки прообраза новой женщины как авангарда молодых: женщины революцион-

ной поры, описанные как «смелые, пылкие и порывистые, практичные, благоразумно интеллигентные», должны были стать «сильными, свободными гражданами, не уступающими мужчинам ни чем» [16]. И комсомол был призван их воспитать [17]. Что, впрочем, говорит не столько о моральной культуре в организации, сколько о том, что такие практики использовались в своих личных целях для социального продвижения нечисто плотными личностями [18].

Исследователь Э. Вуд рассматривает совпадение двух линий в решении женского вопроса в России после революции – государственная политика вовлечения женщин в процесс строительства социализма, в ходе которого из русской бабы должна была получиться советская женщина через цепь переходных стадий трансформации сознания и активности, и реакция самих русских женщин на этот процесс [19].

В свете феминистских теорий большевистские проекты освобождения женщин видятся как часть марксистской интерпретации сущности экономического и политического управления обществом [20]. Мужчины создают механизмы для установления контроля над женщинами, и, в зависимости от природы собственности на средства производства, полный или частичный контроль над женщинами остается в руках семьи или государства. Поэтому предполагать, что большевики освободят женщин ради них самих, было с научной точки зрения неразумно [21]. Критический теоретико-методологический анализ положений марксизма и практической реализации равенства мужчин и женщин в социалистическом обществе показал невозможность решить проблемы женщин через декларирование равенства и внедрение норм гендерного равноправия, поскольку их природа – мужская или женская – требует иного отношения [22]. Женщины в рамках «двойной системы» эксплуатации при внешнем соучастии в решении их проблем внутри семьи являлись объектом мужского доминирования.

Однако прекращение деятельности женотделов в 1930 году, по мнению западных исследователей, показывает, что в политике советского государства наблюдается отход от феминизма. Причиной тому стали противоречия в видении роли и задач женотделов их представителями, которые настойчиво проводили в жизнь гендерное различие, требовали разработки и поддержки в решении женского вопроса со стороны государства и руководства страны, которое считало, что тогда революция всех уравнивала до статуса просто граждан [23]. Однако это относится

в основном к практике в России, но не наблюдалось на окраинах.

Статья написана в рамках реализации научно-исследовательского проекта по гранту МОН

РК «В эпоху коренной трансформации общества: жизненные истории женщин в Казахстане периода сталинской модернизации, 1920-1930-ые гг.».

Литература

- 1 Fitzpatrick S. Russia's Twentieth Century in History and Historiography // The Australian Journal of Politics and History. – Vol. 46. – 2000.
- 2 Fitzpatrick S: New perspectives on Stalinism, in Russian Review, vol. 45, num. 4, 1986, pp. 357-373; Sheila Fitzpatrick, Revisionism in Retrospect: A Personal view, in Slavic Review, vol. 67, num. 3, 2008, p. 691.; Sheila Fitzpatrick, 'Middle-class values and Soviet life in the 1930s', in Terry Thompson and Richard Sheldon eds, Soviet Society and Culture (Westview Press; Boulder, CO, 1988), pp. 20-38; Roberta Manning, 'Women in the Soviet countryside on the eve of World War II, 1935-1940', in Beatrice Farnsworth and Lynne Viola, eds, Russian Peasant Women, (Oxford University Press; Oxford & New York, 1992). – Pp. 206-35.
- 3 Fitzpatrick S. Constructing Stalinism: Reflection on Changing Western and Soviet Perspectives on the Stalin Era // The Stalin Phenomenon. London. –1993. – P. 82.
- 4 Fitzpatrick S., Ascribing Class: the Construction of Social Identity in Soviet Russia // The Journal of Modern History. – Vol. 65, No. 4 (Dec., 1993), – Pp. 745-770.
- 5 Фитцпатрик Ш. Счастье и тоска: исторический очерк о выражении эмоций в предвоенной России (фрагменты) // Политическая лингвистика 1 (47). – 2014. – С. 284-288.
- 6 Hellbeck J. Revolution of my Mind; Writing a Diary under Stalin. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2006; Halfin I. From Darkness to Salvation: Class Consciousness and Salvation in Revolutionary Russia. – Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2000.
- 7 Луговская нина. Хочу жить... Из дневника школьницы: 1932–1937. – М., 2004.
- 8 Fitzpatrick S. Pessimism and boys. URL: <http://www.lrb.co.uk/v26/n09/sheila-fitzpatrick/pessimism-and-boys>
- 9 Goldman W. Women at the Gates: Gender and Industry in Stalin's Russia. – Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
- 10 Goldman W. Babas at the Bench: Gender Conflict in Soviet Industry in the 1930s. Women in the Stalin Era/ pp. 69-88.
- 11 Goldman W. Women, the State and Revolution: Soviet Family and Social Life, 1917-1936. – Cambridge: Cambridge University press. 1993. – P. 331-342.
- 12 Gorsuch Anne. «A Woman Is Not a Man»: the Culture of Gender and Generation in Soviet Russia, 1928-1928.// Slavic Review 55, no. 3. (1996): 636-660.
- 13 Brown Donald. The Role and status of women in the Soviet Union. – New York: Teachers College Press, 1968.
- 14 Fisher R. Pattern for Soviet Youth: Study of the Congresses of the Komsolol, 1918-1954. – New York, 1959.
- 15 Naiman E. The case of Chubanov Alley: collective rape, utopian desire, and the mentality of NEP//Russian History/Histoire Russe 17. Spring 1990: 7.
- 16 Clements Barbara. The Utopianism of the Zhenotdel// Slavic Review 51, no. 2 (Summer 1992): 487.
- 17 Wood E. The Baba and the Comrade Gender and Politics in Revolutionary Russia. – Bloomington: Indiana University Press, 1997.
- 18 Jagger A., Rothenberg P. Feminist frameworks. Alternative theoretical accounts of the relations between women and men. McGraw-Hill Book Company. New York. 3/e 1993. P. 174.
- 19 Hartmann H. The Unhappy marriage of Marxism and Feminism: Towards a More Progressive Union» in Sargent (ed.). URL: http://web.ics.purdue.edu/~hoganr/SOC%20602/Hartmann_1979.pdf
- 20 Fuqua M. The politics of the domestic sphere: the Zhenotdely, women's liberation, and the search for a novybyt in early soviet Russia. Seattle, WA; Henry M.Jackson School of International Studies, University of Washington, 1995.
- 21 Fitzpatrick S. Middle-class values and Soviet life in the 1930s, in T.Thompson and R.Sheldon eds. Soviet society and Culture. Westview Press; Boulder, CO, 1988.
- 22 Fuqua M. The Politics of the Domestic Sphere: The Zhenotdely, Women's Liberation, and the Search for a NovyByt in Early Soviet Russia. Treagold Papers, no. 10. Seattle, 1995.
- 23 R.Manning, Women in the Soviet countryside on the eve of World War II, 1935-1940, in B.Farnsworth and L. Viola, eds. Russian Peasant Women. Oxford University Press; Oxford & New York, 1992, – Pp. 206-35.

References

- 1 Fitzpatrick S. Russia's Twentieth Century in History and Historiography // The Australian Journal of Politics and History. – Vol. 46. – 2000.
- 2 Fitzpatrick S: New perspectives on Stalinism, in Russian Review, vol. 45, num. 4, 1986, pp. 357-373; Sheila Fitzpatrick, Revisionism in Retrospect: A Personal view, in Slavic Review, vol. 67, num. 3, 2008, p. 691.; Sheila Fitzpatrick, 'Middle-class values and Soviet life in the 1930s', in Terry Thompson and Richard Sheldon eds, Soviet Society and Culture (Westview Press; Boulder, CO, 1988), pp. 20-38; Roberta Manning, 'Women in the Soviet countryside on the eve of World War II, 1935-1940', in Beatrice Farnsworth and Lynne Viola, eds, Russian Peasant Women, (Oxford University Press; Oxford & New York, 1992). – Rp. 206-35.

- 3 Fitzpatrick S. Constructing Stalinism: Reflection on Changing Western and Soviet Perspectives on the Stalin Era // *The Stalin Phenomenon*. London. –1993. – P. 82.
- 4 Fitzpatrick S., Ascribing Class: the Construction of Social Identity in Soviet Russia // *The Journal of Modern History*. – Vol. 65, No. 4 (Dec., 1993), – Rp. 745-770.
- 5 Fitzpatrick Sh. Schast'e i toska: istoricheskij ocherk o vyrazhenii jemocij v predvoennoj Rossii (fragmenty) // *Politicheskaja lingvistika* 1 (47). – 2014. – С. 284-288.
- 6 Hellbeck J. *Revolution of my Mind; Writing a Diary under Stalin*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2006; *Halfin I. From Darkness to Salvation: Class Consciousness and Salvation in Revolutionary Russia*. – Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2000.
- 7 Lugovskaja Nina. *Hochu zhit' ... Iz dnevnika shkol'nicy: 1932–1937*. – M., 2004.
- 8 Fitzpatrick S. Pessimism and boys. URL: <http://www.lrb.co.uk/v26/n09/sheila-fitzpatrick/pessimism-and-boys>
- 9 Goldman W. *Women at the Gates: Gender and Industry in Stalin's Russia*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
- 10 Goldman W. *Babas at the Bench: Gender Conflict in Soviet Industry in the 1930s*. *Women in the Stalin Era*/ pp. 69-88.
- 11 Goldman W. *Women, the State and Revolution: Soviet Family and Social Life, 1917-1936*. – Cambridge: Cambridge University press. 1993. – R. 331-342.
- 12 Gorsuch Anne. «A Woman Is Not a Man»: the Culture of Gender and Generation in Soviet Russia, 1928-1928.// *Slavic Review* 55, no. 3. (1996): 636-660.
- 13 Brown Donald. *The Role and status of women in the Soviet Union*. – New York: Teachers College Press, 1968.
- 14 Fisher R. *Pattern for Soviet Youth: Study of the Congresses of the Komsolol, 1918-1954*. – New York, 1959.
- 15 Naiman E. The case of Chubanov Alley: collective rape, utopian desire, and the mentality of NEP//*Russian History/Histoire Russe* 17. Spring 1990: 7.
- 16 Clements Barbara. *The Utopianism of the Zhenotdel*// *Slavic Review* 51, no. 2 (Summer 1992): 487.
- 17 Wood E. *The Baba and the Comrade Gender and Politics in Revolutionary Russia*. – Bloomington: Indiana University Press, 1997.
- 18 Jaggat A., Rothenberg P. *Feminist frameworks. Alternative theoretical accounts of the relations between women and men*. McGraw-Hill Book Company. New York. 3/e 1993. P. 174.
- 19 Hartmann H. *The Unhappy marriage of Marxism and Feminism: Towards a More Progressive Union»* in Sargent (ed.). URL: http://web.ics.purdue.edu/~hoganr/SOC%20602/Hartmann_1979.pdf
- 20 Fuqua M. *The politics of the domestic sphere: the Zhenotdely, women's liberation, and the search for a novybyt in early soviet Russia*. Seattle, WA; Henry M.Jackson School of International Studies, University of Washington, 1995.
- 21 Fitzpatrick S. *Middle-class values and Soviet life in the 1930s*, in T.Thompson and R.Sheldon eds. *Soviet society and Culture*. Westview Press; Boulder, CO, 1988.
- 22 Fuqua M. *The Politics of the Domestic Sphere: The Zhenotdely, Women's Liberation, and the Search for a NovyByt in Early Soviet Russia*. *Treagold Papers*, no. 10. Seattle, 1995.
- 23 R.Manning, *Women in the Soviet countryside on the eve of World War II, 1935-1940*, in B.Farnsworth and L. Viola, eds. *Russian Peasant Women*. Oxford University Press; Oxford & New York, 1992, – Rp. 206-35.